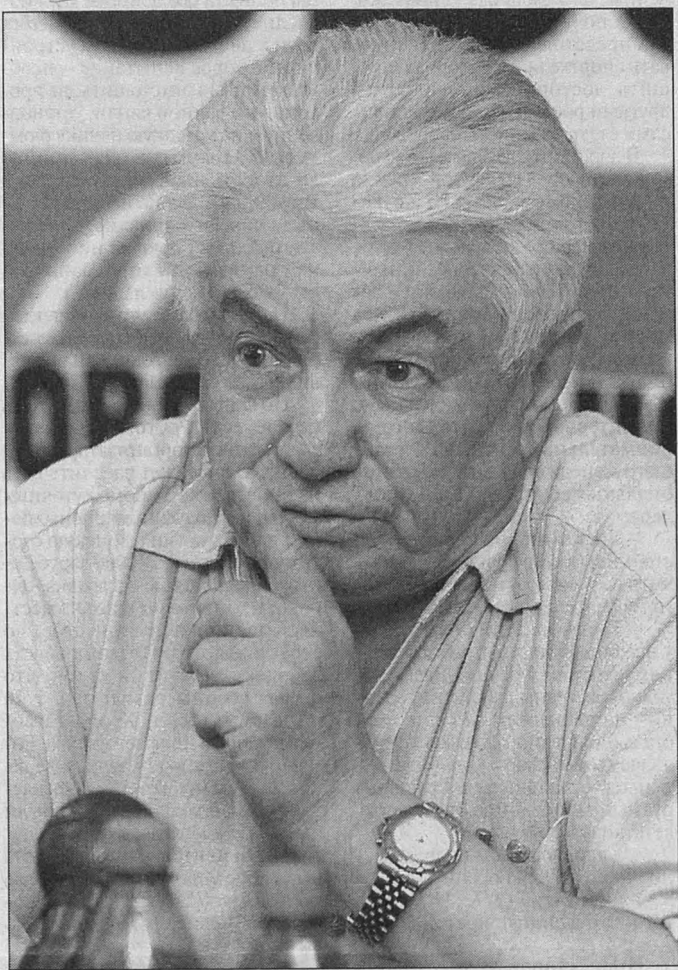

Веселый пророк

Завтра исполняется 70 лет
Владимиру Войновичу

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

2002-25 сент. с. 7

Он начинал свою писательскую деятельность, как преуспевающий песенник. Хрущев процитировал с трибуны: «Я верю, друзья, караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды...» — и Войнович проснулся знаменитым. Он мог бы, забыв пятилетнюю отсидку отца и армейские издевательства, стать очередным советским бодрячком, но совесть и талант не позволили. Как говорится в песне Войновича, «в жизни всему уделяется место, рядом с добром уживается зло, если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло». Советская румяно-песенная невеста ушла к другим удачливым халтурщикам, а Войнович стал настоящим писателем. Его прозу стали клевать с налета за идеологическую незрелость. Но писатель не дрейфил, а неумолимо и неотвратно дрейфовал к Чонкину. Чонкин — российский вариант Швейка, но без него в литературе 70-х зияла бы ослепительная черная дыра. Все талантливые писатели, служившие в армии, рано или поздно писали об идиотизме насильственной солдатчины. Лев Толстой подарил человечеству «Севастопольские рассказы» и «Войну и мир». Ремарк и Хемингуэй отомстили за гибель своего поколения почти всеми книгами. Гашек выпалил в австрийских генералов Швейком, а Войнович в советский Генштаб запустил бомбу с веселящим газом из походов Ивана Чонкина. Советские идеогенералы (термин Евтушенко) весьма и весьма всполошились и в конечном итоге выжили Войновича из страны.

Воевать с писателями легче, чем с моджахедами, и в этой войне наш генералитет всегда побеждал — как ему казалось. Доблестные последователи «железного Феликса» завели на прозаика оперативную разработку, где по своему обычаю присадили ему кликуху Гранин. Всеми любимый и заслуженно уважаемый Даниил Гранин тут совершенно ни при чем. На него, небось, тоже было заведено такое же дело, и, кто знает, может, под кличкой Войнович. Я, например, проходил у них как Лесник. Что спрашивать с сумасшедших недоучек, которым советская власть дала право следить за нашим творчеством и подглядывать в спальни?

Чего они на самом деле хотели от Войновича, понять невозможно, однако во время очередной беседы лубянские храбрецы пытались писателя отравить. Не надо удивляться, что у них и это не получилось. Удивляться приходится другому — что двадцать лет спустя страна полностью забыла обо всех их художествах. Может, потому, что вовремя не прочла Войновича. Ведь «Чонкин» и блистательная антиутопия «Москва 2042-го» были при советской власти запрещены. За чтение и хранение этих книг при Андропове и Горбачеве в равной мере полагалась тюрьма.

Мы, конечно, плевать хотели на тогдашних «идуших вместе», наделенных всей полнотой власти, и чи-

тали Войновича взалхлеб, за одну ночь — либо в машинописных перепечатках, либо в иностранных изданиях, привезенных тайно через красно-геббельсовскую идеологическую таможню.

В «Москве 2042-го» до деталей точно предсказаны и отец Звездный, крестящийся пятиконечной звездой, и новый правитель России, который работал разведчиком в ГДР и блестяще владел немецким, и замечательные три «каки» — коммунистических кольца. Первое кольцо — Кремль, где не болели и не умирали, поскольку болеть и умирать отправляли в третью «каку». Второе — в пределах Садового кольца, где жили похуже, но вполне сносно. И третье — все остальное пространство, где не было уже ничего, кроме отходов от двух первых «как».

Войнович посмеивается, когда его сравнивают с Гоголем. Но «Шапка» действительно очень похожа на «Шинель». Там человек гибнет из-за шинели, а тут из-за шапки. В битве за шапку — символ соцпривилегий — тихий советский халтурщик-борзописец превращается в матерого диссидента. Предсказал Войнович и победоносное возвращение Солженицына в Россию, и превращение Александра Исаевича в Сим Симыча.

Я бы назвал Войновича веселым пророком. Он пророчествует шутя, пишет весело. Правда, в последнее время вдруг зачем-то посерьезнел, стал выяснять в романе отношения с собственным литературным персонажем, увлекся живописью в стиле примитивизма. Так ведь и Гоголь вдруг перестал смешить современников и засел за скучнейшую переписку. А Чехов отправился на Сахалин и привез оттуда томину скучнейшей тягомотины. Все серьезные люди мечтают нас рассмешить. Все юмористы хотят быть серьезными. Я же не знаю, можно ли о чем-либо говорить без смеха после всего, что мы пережили и переживаем по новой.

Единственный «недостаток» прозы Войновича: она читается легко, что сейчас не принято, и запоминается сразу почти наизусть. Его не перечитываешь, а вспоминаешь и улыбаешься от того, что помнишь. И еще одно удивительное свойство: проза Гоголя и Чехова совсем не похожа на их портреты, а Войнович в прозе как две капли воды похож на все свои фотооблики. Такой свободный писатель, абсолютно лишенный маски и позы, мог появиться в насквозь зашоренном советском обществе только как живое его отражение. Его можно было судить и высылать уже за одну его улыбку.

Сейчас в литературу снова вернулись уже по-другому насупленные писатели. Очень модно смотреть стеклянным взором в никуда и что-то монотонно цедить сквозь зубы. На фоне этих бледных психоделических масок живой, смеющийся лик Войновича выглядит ренессансным вызовом. И таким же Возрождением веет от его прозы. В нем неистощимый запас витальности, которой нашему времени явно не хватает.